

Глава 1

...Он прижал ее к могучей груди, и она ощутила, как зеркало его мужественности уперлось в живот. Колени ослабли. А сердце заныло, предвкушая грехопадение...

Элиза отложила планшетку и сдавленно поинтересовалась:

— Зерцало мужественности?

Она хрюкнула, с трудом сдерживая смех.

— Ну... — Лотта поерзала, прижимая пачку листов к груди. Печатать книгу смысла не было, но вот как-то с распечатанной ей было легче, что ли. — Как еще это назвать?

— А как оно называется?

— Неприлично.

— Ага... и дальше... ее рука мощно обхватила это самое зеркало... знаешь, дорогая, не все мужчины любят, когда кто-то обхватывает их зеркало. Тем более мощно.

— Думаешь, лучше написать, что трепетно?

Элиза плюхнулась на козетку и вытянула ноги, которые были, безусловно, хороши, хотя ее привычка выставлять эту красоту на всеобщее обозрение несколько смущала Лотту, как, впрочем, и чересчур уж вольные манеры кузины.

Та вытащила из сумочки портсигар, а из него мундштук и черную тонкую сигарету, которая гляделась весьма естественным продолжением этого мундштука.

— Дорогая, — щелкнул камень-зажигалка, породив тонкую нить огонька, — дай мне уложить это в голове. Ты хочешь написать неприличную сцену, используя исключительно приличные слова?

— Д-да, — Лотта вздохнула и отложила рукопись, которая была почти готова.

Ну как почти...

По мнению Лотты, рукопись была готова совершенно, но вот мистер Нигби, редактор, так не считал.

— И зачем тебе? — Элиза приподняла бровь. — По-моему, до этого времени ты прекрасно обходилась поцелуями. Ну, не то чтобы ты, но твои эти... прелестные девственницы.

Она фыркнула, выражая свое отношение к несчастным девственницам, которые упрямо хранили свое целомудрие, несмотря на происки роковых красавцев, чем, несомненно, весьма благотворно влияли на этих самых красавцев, заставляя их пересмотреть всю свою жизнь и осознать, что истинное счастье мужчины — именно в браке.

С девственницей.

Да.

А потом случалась свадьба, и полумрак супружеской спальни оставлял все неприличные фантазии на откуп благодарным читательницам.

Лотта снова вздохнула:

— Мой издатель считает, что продажи падают потому, что читательницы хотят... погорячее. Чтобы в книге было *это*.

— А то? — оживилась Элиза, которая аккурат к указанной части жизни никаких предрассудков не испытывала. Нет, замужем она побывала трижды и всякий раз счастливо, после чего, не особо чинясь, жила то с одним, то с другим мужчиной.

— И то тоже... но... я... я пыталась, однако, как видишь... — этот вздох получился особенно душераздирающим. И Элиза участливо покачала головой. — Не получается. Опыта не хватает. Я купила книги... особые... ну...

Лотта ощутила, как краснеют уши.

— Однако это техническая сторона. И я использовала, но все равно.

— Использовала? — глаза Элизы сверкнули. — И что именно?

— «Огонь страсти». «Наставления юной девы». И «Как разнообразить супружескую жизнь»... а еще «Тысяча и один способ сыграть на нефритовой флейте, или Как упрочить свое положение в гареме и стать любимой женой».

Нет, были еще книги. Тема плотских взаимоотношений оказалась вдруг весьма обширной и разнообразной, правда, крайне неприличной.

— М-да... — только и смогла произнести Элиза. — Будем считать, что ты у нас самая теоретически подкованная девственница в этой части Созвездия. Давай-ка свои бумаги, в этом и вправду что-то есть... ага, все давай... и вот то тоже.

Она листала несчастную рукопись, время от времени останавливаясь, чтобы хмыкнуть, фыркнуть, а один раз откровенно засмеялась. И это — проклятье! — было обидно. До слез

в глазах обидно, хотя Лотта искренне и любила кузину, которая единственная, пожалуй, из всех родственников не считала Лотту слегка ненормальной. А если и считала, то мнение свое держала при себе.

— Так, дорогая... — струйка дыма устремила к потолку, а в гостиной запахло копчеными яблоками. — С этим давно следовало разобраться.

— С чем? — Лотта сгребла листы и прижала их к груди. Нет, копия романа у нее оставалась, и не одна, включая ту, что автоматически управлялась в защищенное семейное облако, но... почему-то ей всегда было страшно, что с рукописью что-то да произойдет.

— С технической точки зрения, конечно, все довольно-таки бодро... признаю. — Элиза хихикнула и, не выдержав, засмеялась во все горло. — Но... зеркало мужественности... оплот добродетели... боже... — Элиза смеялась так заразительно, что Лотта и сама не удержалась.

О да, она чувствовала, что с этими сценами не все было ладно. Но ведь она старалась.

И лучше вряд ли получится.

— Извини, — Элиза икнула и зажала рот рукой. — Не хотела тебя обидеть. Но да, тебе нужно избавиться от этого...

Она махнула подбородком и весьма выразительно посмотрела на платье. На низ платья. Лотта одернула чересчур тонкие юбки.

— От панталон? — без особой надежды уточнила она.

— И от них тоже. Без этого, подозреваю, оплот твоей добродетели падет не скоро. Если вообще падет.

Лотта покраснела.

Она всегда краснела слишком легко, к огромному неудовольствию бабушки, полагавшей, что эта вот легкость есть явственное свидетельство простонародной крови, которая в силу отцовской безответственности примешалась к благородной крови рода Эрхард, окончательно испортив последнюю.

Еще ей не нравились веснушки.

И непослушные волосы Лотты, которые имели обыкновенные виться, и ни щипцы, ни патентованные средства для выпрямления, ни даже родовые секреты рода Эрхард не могли справиться с этакой напастью. Бабушке даже предлагали просто полностью удалить волосяные луковицы, заменив их на те, из которых волосы вырастут правильные, тонкие, светлые и прямые, как у кузины. Но бабушка почему-то отказалась.

К счастью.

А вот с румянцем она совладала.

Каша на воде. Корсет. И плотно задернутые шторы вкупе с легкой жемчужной пудрой приблизили цвет лица Лотты к идеальному.

— Послушай, — Элиза стряхнула пепел в фарфоровую кружку с чаем и пересела на козетку. Она взяла руку Лотты в свою и заговорила тихо, спокойно. — Тебе уже двадцать пять. И если невинная девица в шестнадцать — это мило, в семнадцать, пожалуй, тоже мило, то в двадцать пять — чересчур.

— Я понимаю.

Плечи Лотты опустились.

Она и вправду понимала. И что бабушка, опасаясь получить очередного бастарда, которыми род Эрхард на свою беду обростал весьма стремительно, несколько переборщила со строгостью воспитания Лотты. И что мир, где ценилась невинность, остался в прошлом. И что лучше бы там остаться и самой Лотте. Она и приготовилась.

Морально.

Даже кошку себе присмотрела, хотя кошек бабушка тоже не жаловала.

— Вздорной старухи уже пару лет как нет, а ты все тут, что принцесса в башне, — докуренная сигарета отправилась в чашку. — Я вообще не понимаю, зачем тебе эти романчики. Ты же законная наследница Эрхардов. Твое состояние...

Перевалило за триста миллиардов крон. Лотта знала. Ей ежедневно отправляли сводки, да и с управляющими, как и с директорами, она встречалась регулярно. Как ни странно, эти обязанности, доставшиеся Лотте в наследство вместе с родовым особняком, перстнем и графской короной с девятью топазами, нисколько не тяготили Лотту. Они были привычны, обычны и не вызывали ничего, кроме легкого раздражения, когда отрывали от дела действительно интересного.

— Ладно, высший свет тебе мало интересен...

Лотта кивнула.

— И замуж ты идти не хочешь.

Она вновь кивнула. Не хватало к нынешним обязанностям, которые порой требовали весьма пристального внимания, добавлять новые. Хотя брачные предложения секретарям поступали регулярно.

— Но почему ты просто не нашла себе любовника?

— Где? — обреченно поинтересовалась Лотта.

Она ведь не глупая.

И живая. И порой появлялись в душе... и в теле тоже томления престранного свойства, от которых не спасали ни прописанный бабушкой холодный душ, ни молитва, ни даже

ночные пробежки вокруг поместья. К последним слуги давно уже привыкли.

— Не знаю. Прими любое приглашение. Приходят ведь пачками. Выгуляйся вечерок. Заодно присмотришься к кандидатурам.

— Я уже присматривалась, — Лотта поморщилась, вспомнив свой последний неудачный выход в свет.

И Элиза поняла:

— Да... неудачно вышло.

Бабушка не была совсем уж затворницей и балы посещала. Некоторые. И Лотту с собой иногда брала. Правда, ни беседовать с кем-то, ни тем паче танцевать с кем бы то ни было Лотте не позволялось. А в тот единственный раз, когда Лотта решилась принять приглашение в роли новой главы рода...

Возможно, строгое платье в пол было неудачной идеей.

И волосы не стоило зачесывать гладко, как и проводить радикальное отбеливание кожи. И вовсе следовало вести себя посмелее, а не скрываться в углу... но это еще не повод, чтобы обзывать ее Эрхардским Драконом.

Не дракон она. И не страшилище. И тот разговор... неприятно было слушать, как ее обсуждают, и весьма ядовито, но не скрывая при том интереса. К деньгам. Ведь что может быть проще, как отобрать состояние у глупышки, которая не знает, что платья в пол давно уже вышли из моды.

Какое отношение мода имеет к финансам, Лотта так и не поняла.

— Да и не хочу я... сама понимаешь, стоит слухам пойти, потом не отмоешься, — Лотта аккуратно выровняла рукопись. — В конце концов, обойдусь и без этого. Если понадобится, куплю себе типографию и буду издаваться.

— Но это будет не то, — сказала Элиза, озвучив собственные мысли Лотты. — Нет, ты права, с нашими бездельниками связываться не стоит. Кроме того, не думаю, что тебе и вправду нужен какой-нибудь золотой мальчик...

Она призадумалась.

И Лотта сидела тихо-тихо, не желая мешать кухне. Одновременно надеясь, и что той удастся решить проблему, и что решение это никоим образом не затронет привычный образ жизни Лотты.

— Есть! — Элиза вскочила, и коротенькая юбка ее задралась, обнажив кружевной край чулка. — Я поняла. Ты не можешь выйти как Шарлотта Доминика Луиза Аннабель Октавия Эрхард, но ты вполне можешь поехать как Лотта Харди!

— К-куда поехать?

— В круиз, — Элиза закружилась по комнате. — Давно следовало тебя отправить, а я все собой занималась. Прости меня, Лотти...

— За что?

— Да и всех нас... — она остановилась перед огромной вазой, доставшейся Лотте вместе с прочим имуществом. Ваза насчитывала по меньшей мере два с половиной тысячелетия жизни и стоила порядка двух миллионов имперских талеров, а застрахована была на сумму вдвое больше, хотя страховая и пыталась пересмотреть договор после смерти бабушки. Все почему-то вдруг решили, что Лотта слишком молода и ничего не понимает в управлении финансами.

Как будто не она с пятнадцати лет этими самыми финансами занималась.

— Нам было удобно. Состояние растет, проценты выплачиваются вовремя, — Элиза заглянула внутрь вазы, где наверняка было пыльно, поскольку дом требовал куда большего количества прислуги, но в последние годы посторонние люди бабушку раздражали, а сама Лотта так и не нашла в себе сил что-то да поменять. — Ты не читаешь нотаций, не требуешь хранить честь рода, не грозись заблокировать кредитные карты. Тебе не нужно наносить ежемесячные визиты и тратить пару дней, чтобы соблюсти какие-то там замшелые правила. Ты устраивала всех. И устраиваешь. Скажу больше, если бы вдруг нашелся кто-то, за кого бы ты захотела выйти замуж, и матушка, и ее сестры, и братья, и все, кто имеет отношение к клану, нашли бы способ расстроить свадьбу. Но это категорически неправильно. Если ты сойдешь с ума от одиночества, никому не станет легче.

Лотта пожала плечами.

К одиночеству она привыкла. Если подумать, она всю свою сознательную жизнь была одна, разве что в тот короткий период времени, когда бабушка считала Лотту ребенком, ей полагалась няня. Затем няня сменилась гувернанткой, а после десяти лет и та исчезла, ибо истинная Эрхард не должна привыкать к роскоши. Лотта научилась справляться сама. И даже получала удовольствие от того, что никто-то больше не следит за правильностью осанки и не требует заучить наизусть тридцать две формы вежливого отказа...

— «Принцесса Аула», — Элиза крутанулась на каблуках. — Вот то, что тебе нужно. Роскошный лайнер. Путешествие, продолжительностью в месяц... месяца достаточно, чтобы ты кого-нибудь да нашла.

— На лайнере?

— Именно, — она вернулась и плюхнулась рядом. — Смотри, во-первых, тебя там точно не узнают... нет, если ты выйдешь без пудры и перестанешь мучить волосы, тебя и здесь не узнают. Но там — определенно. Твои портреты, те, что есть в «Родоводе», мягко говоря, далеки от реальности. Поэтому слухов можно не опасаться. Документы... ты ведь по матушке и есть Шарлотта Харди, верно?

Документы имелись. Их Лотта сделала, когда решила-таки предложить издателю первую свою рукопись, крепко подзревая, что бабушка не одобрит, появившись честное имя Эрхардов на обложке любовного романа, пусть этот роман и вышел весьма неплохим.

— Отлично. А родовые грамоты брать вовсе не обязательно. Клеймо пластырем заклеишь, если что. Да и вообще... Что еще? Гардероб подходящий я тебе подберу... а там смена обстановки, звезды, пляжи и прочая романтика. Только панталоны свои дома оставь.

Вот ведь.

И чем ей панталоны не угодили? Удобно же, особенно осенью, когда климат портится и даже защитные экраны не спасают от сквозняков. Но Лотта лишь кивнула. Почему бы и нет?

Конечно, Шарлотта Доминика Луиза Аннабель Октавия Эрхард должна помнить о приличиях и чести великого рода, а вот Лотта Харди может позволить себе небольшое приключение.

Исключительно в познавательных целях.

Глава 2

Одиннадцатый милостью всех Богов Диктатор Ах-Айора, Солнце Нации, Железный Всепобеждающий Полководец, Маршал Могучей Республики, Залог Освобождения Человечества, Блистательнейший Владыка, Прозревающий Пути Грядущего, и прочая, и прочая, изволил предаваться хандре. Он возлежал на подушках, полуприкрыв глаза и сцепив вялые пальцы на обнаженном животе. Над головой диктатора заливались солнышки. Декоративные пальмы раскидывали листья, укрывая от солнца. Где-то рядом журчал ручей, нить которого протянулась по поющим камням Эйго. А в огромной чаше декоративного пруда плавали рыбы.

Молча.

И за это диктатор был им премного благодарен, ибо возлюбленные одару, которым ныне было дозволено находиться

подле, щебетали, напрочь заглушая и соловьев, и поющие камни, и друг друга.

— Да кому это интересно! — воскликнула благоухающая драгоценными маслами Заххара. И потянулась, прижалась к боку пышной грудью.

— Всем интересно, — слегка растягивая гласные, пропела смуглокожая Эрра. — Данечка, ты же слушаешь?

— Конечно, — солгал диктатор, не дав себе труда пошевелиться.

— Да вы его уморите своей болтовней, — одару Некко отличал воистину чудовищный рост, могучее телосложение и тихий, незлобивый нрав, который Данияр Седьмой ценил едва ли не больше, чем все прочие, тоже весьма впечатляющие достоинства. — Не видите, он отдохнуть прилег. А какой отдых, когда вы не замолкаете.

— И вправду, какой отдых... — пальчики Эрры скользнули по его груди.

А с другой стороны навстречу им потянулись теплые руки Заххары, и Данияр Седьмой вздохнул. Мысленно. Желания совершать очередной подвиг на шелковых простынях не было никакого.

Но попробуй не соверши.

Мигом слухи поползут по гарему. И главное, обидятся же. Потом поди-ка докажи, что настроения не было, что хандра и вообще жизнь кажется напрочь смысла лишенной, а не новая наложница тому виной. И плевать, что новых наложниц в гарем уже с полгода не брали. Со старыми бы разобраться...

И с бюджетом.

Залия потребовала опаловый гарнитур, а стало быть, придется и остальным что-то выделить. У Мухры опять кожа темнеет, и нужны белые глины с Иххар. А кроткая Мико, потупив глаза и заикаясь от страха, умоляет выделить ее отцу угодыя по левую сторону Ниррхи. Дядюшке Ойеры, которую он принял, слабости поддавшись, нужна лицензия на поставку зеленых вин...

А ведь есть еще и другие.

— Что такое? — поинтересовалась Заххара, и в медовом голосе ее проскользнули нотки недовольства.

— Ничего, дорогая, — Данияр Седьмой приник к губам, от которых пахло розой и сандалом, и постарался проявить должную страсть.

Сад наполнился звуками, на которые поющие камни отзывались возмущенным дребезжанием. И на некоторое время хандра отступила.

Правда, на недолгое.

Чуть позже, уже не в саду, но на Совете, возлежа на подушках и разглядывая премудрых старцев, которые давно уже не были премудрыми, да и до старцев, говоря по правде, слегка не дотягивали, Данияр Седьмой слушал, как герольд зачитывает полное его титулование, и думал, до чего же все это надоело.

Гарем.

Совет.

Жизнь эта вялая. Вот отец его подавил два восстания и завоевал племена халдаев. Правда, непонятно зачем, ибо были они дики и бестолковы, а земли, ими заселенные, представляли собой голые камни. Там даже лишайник рос нехотя. Теперь приходилось ежемесячно отчислять полмиллиона кредитов на поддержку голодающих, помощь сиротам и сохранение культурного наследия.

Дед... тот южных ахейцев с большего вырезал, а оставшиеся переселились в центральные области, чтобы спустя годы заявлять о бесчинствах прошлого и требовать компенсаций. И попробуй откажи, мигом полетит по сети вой угнетенных. И ладно бы летел, пусть себе бы выли, но следом взвоют дипломаты.

Комиссии сунутся, выясняя, кто кого и когда угнетал...

Может, и вправду казнить? Хоть кого-нибудь — в поддержание славы предков. Мысль показалась вдруг живой и вполне здоровой. Но Данияр вынужден был отказаться: не поймут. Современный мир требовал иной, политически открытой диктатуры, дружелюбной и понятной обывателю.

Так ему сказали.

Он поманил главу службы безопасности и поинтересовался:
— Что у нас там?..

— Где? — Миршар был человеком крепким, внушительным. Всем видом своим он демонстрировал, что власть прочна, а покой и здоровье великого диктатора находятся в надежных руках. Это тоже утомляло.

— Везде, — со вздохом Данияр приподнялся с подушек. Подумалось, что давненько он не заглядывал на тренировочную площадку. И мышцы ослабли. И даже, стыдно сказать, наметилось мягкое брюшко.

— Мир и покой! — радостно отрапортовал Миршар. И поддержания образа ради ударил латным кулаком по груди. Грудь была благоразумно прикрыта доспехом, а потому звук вышел громким, заставив диктатора поморщиться.

— Везде мир и покой?

— Так точно!

— А заговоры? — Данияр брюшко погладил, было оно пока небольшим, весьма уютным с виду. И наложницам нравилось.

— Никак нет!

— Совсем нет?

Золоченые рога шлема Миршара переливались на солнце. Грозно топорщились шипы на наплечниках. И чеканный пустынный змей на кирасе застыл с разъявленной пастью, то ли грозясь кому, то ли просто зевая.

— Надо? — осторожно поинтересовался Миршар. — Организуем...

Правда, сказано это было без особой уверенности. И Данияр махнул рукой. Организовать — это не то, совсем не то... да еще и попробуй найди нормального организатора, чтобы не совсем идиот, но без инициативы. Все больше как-то наоборот попадают, без мозгов, зато с инициативой.

Он указал на белую кошму и велел:

— Садись. Тоскливо мне, друг мой.

Миршар испустил тяжкий вздох. На кошму он присаживался осторожно, ибо традиционный доспех столь же традиционно и весил изрядно.

— Шлем хотьними, — попросил диктатор.

— Сам знаешь, не положено... — Миршар принял фарфоровую чашку, которую поднес к лицу. Вытянув губы трубочкой, подул.

Попытался зачерпнуть горсть засахаренных орешков, но пиала треснула.

— Извини.

— Да ничего... Тоска.

— Понимаю.

— И бунтовать никого не тянет?

— Степняки и те попритихли. Растят верблюдов и медуз, продают, да и туристы опять же... Знают, что если бунт, турист не пойдет, — Миршар осторожно сделал глоток.

— А в городах?

— То же самое... вон в Исхалле новую гостиницу открыли. Набияр зовет на источники, двести миллионов в год принять готов, и очередь уже расписана...

— Может, хоть храмы...

— Молчат, — виновато развел руками Миршар. — После того, как ваш батюшка изволил вырезать весь клан Кровавой Луны, объявив себя потомком и единственным жрецом Богини...

Он замолчал, позволяя додумать остальное.

Стало тихо.

Благолепно.

Тошно.

И в последней надежде на чудо Данияр шепотом спросил:

— А братья мои?

— Даршар изволит путешествовать. Отправился на окраинные миры нести свет цивилизации. Фархар медициной занялся. Весьма вам благодарен, что приняли трон. Хороший врач, говорят, один из лучших в нашем рукаве.

Вот так... а ведь и у Данияра задатки имелись.

— Учхарр торговые дела ведет, но вы сами знаете.

Данияр знал.

Братец почти не вылезал из центральных миров, умудрившись и жениться по тамошнему нелепому обычаю, закрыв себе путь и к трону, и к нормальной жизни. Впрочем, торговое сальдо год от года становилось все более и более положительным, а брат — довольным. И, глядя на ухмыляющуюся его рожу, Данияр ощущал себя обманутым.

Он не виноват, что родился старшим.

И что матушка его, ревниво оберегая статус первой одару, не допускала и мысли, что сын не примет отцовский меч... Принял.

Порадовал.

А теперь-то что?

— И народ тоже? — Данияр откинулся на подушки.

Сегодня же он отправится на тренировочную площадку. Вечером. Или, на крайний случай, завтра утром... может, к обеде лучше? Или все-таки вечером? Вечером всяко прохладней. Или поединки устроить? Велеть, чтоб поставили лавки, наложицам понравится, они давно зрелищ требуют, пусть посмотрят, как Данияр всех побеждает.

И сразу стало тоскливо.

А ведь и вправду победит, ибо иначе невозможно. И отец его оттого перестал брать меч в руки, что не с кем его скрестить было. И сам Данияр...

— Народ счастливо ропщет под вашей стопой, — заявил Миршар, у которого вышло-таки справиться с чаем.

— Сам-то понял, что сказал?

— Правду. У нас ведь диктатура, — Миршар попытался прилечь, опираясь на локоть, но шипы пробили кошму, а следом и толстые перины. — Для поддержания имиджа народ обязан роптать. А уж как он там ропщет — это уже детали.

— Вот и что мне делать? — Данияр давно не чувствовал себя таким несчастным. — Может... соседей завоевать?

— Каких?